

ШАНТАРАМ

КОМПЛЕКТ
ИЗ 2-Х КНИГ

Грегори Дэвид Робертс

Шантарам: комплект из 2-х книг

«Азбука»

2003, 2015

УДК 821(94)
ББК 84(8Авс)-44

Робертс Г.

Шантарам: комплект из 2-х книг / Г. Робертс — «Азбука», 2003, 2015

ISBN 978-5-389-34025-1

Комплект из 2 книг. Шантарам + Шантарам–2. Тень горы. Шантарам: один из самых поразительных романов начала XXI века. Эта преломленная в художественной форме исповедь человека, который сумел выбраться из бездны и уцелеть, протаранила все списки бестселлеров и заслужила восторженные сравнения с произведениями лучших писателей нового времени, от Мелвилла до Хемингуэя. Подобно автору, герой этого романа много лет скрывался от закона. Лишенный после развода с женой родительских прав, он пристрастился к наркотикам, совершил ряд ограблений и был приговорен австралийским судом к девятнадцати годам заключения. Бежав на второй год из тюрьмы строгого режима, он добрался до Бомбея, где был фальшивомонетчиком и контрабандистом, торговал оружием и участвовал в разборках индийской мафии, а также нашел свою настоящую любовь, чтобы вновь потерять ее, чтобы снова найти... «Человек, которого «Шантарам» не тронет до глубины души, либо не имеет сердца, либо мертв, либо то и другое одновременно. Я уже много лет не читал ничего с таким наслаждением. «Шантарам» – «Тысяча и одна ночь» нашего века. Это бесценный подарок для всех, кто любит читать». Джонатан Кэрролл.

Шантарам–2. Тень Горы: Итак, прошло два года с тех пор, как Лин потерял двух самых близких ему людей: Кадербхая – главаря мафии, погибшего в афганских горах, и Карлу – загадочную, вожделенную красавицу, вышедшую замуж за бомбейского медиамагната. Теперь Лину предстоит выполнить последнее поручение, данное ему Кадербхаем, завоевать доверие живущего на горе мудреца, сберечь голову в неудержимо разгорающемся конфликте новых главарей мафии, но главное – обрести любовь и веру.

УДК 821(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-389-34025-1

© Робертс Г., 2003, 2015

© Азбука, 2003, 2015

Содержание

Шантарам	7
Часть 1	10
Глава 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Грегори Дэвид Робертс

Шантарам: комплект из 2-х книг

Gregory David Roberts

SHANTARAM

THE MOUNTAIN SHADOW

Copyright © 2003, 2015 by Gregory David Roberts

All rights reserved

© Л. Н. Высоцкий, перевод, 2009, 2016

© М. В. Абушик, перевод, 2009

© В. Н. Дорогокупля, перевод, 2016

© А. Питчер, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“, 2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

Шантарам

Моей матери

Это первоклассный роман, произведение высочайшего искусства и исключительной красоты.

Пэт Конрой

После прочтения первого романа Грегори Дэвида Робертса, «Шантарам», собственная жизнь покажется вам пресной... Робертса сравнивали с лучшими писателями, от Мелвилла до Хемингуэя.

Wall Street Journal

Захватывающее чтение... Предельно искренняя книга, такое ощущение, что сам участвуешь в изображаемых событиях. Это настоящая сенсация.

Publishers Weekly

Мастерски написанный готовый киносценарий в форме романа, где под вымышленными именами выведены реальные лица... Он раскрывает нам Индию, которую мало кто знает.

Kirkus Review

Вдохновенное повествование.

People

В высшей степени увлекательный, яркий роман. Перед тобой, как на экране, проходит жизнь во всей своей неприкрашенной красоте, оставляя незабываемое впечатление.

USA Today

«Шантарам» – выдающийся роман... Фабула настолько увлекательна, что сама по себе представляет большую ценность.

New York Times

Превосходно... Широкая панорама жизни, свободное дыхание.

Time Out

В своем романе Робертс описывает то, что сам видел и пережил, но книга выходит за рамки автобиографического жанра. Да не отпугнет вас ее объем: «Шантарам» – одно из самых захватывающих повествований о человеческом искуплении в мировой литературе.

Giant Magazine

Удивительно то, что после всего пережитого Робертс смог вообще что-нибудь написать. Он сумел выбраться из бездны и уцелеть... Его спасением была любовь к людям... Настоящая литература способна изменить жизнь человека. Сила «Шантарам» – в утверждении радости прощения. Надо уметь сопереживать и прощать. Прощение – это путеводная звезда в темноте.

Dayton Daily News

«Шантарам» насыщен колоритным юмором. Чувствуешь пряный аромат хаоса бомбейской жизни во всем его великолепии.

Minneapolis Star Tribune

«Шантарам» поистине эпическое произведение. Это необъятный, не умещающийся ни в какие рамки, непричесанный, неотразимый, неожиданный роман.

The Seattle Times

Если бы меня спросили, о чем эта книга, я ответил бы, что обо всем, обо всем на свете. Грегори Дэвид Робертс сделал для Индии то же, что Лоренс Даррелл для Александрии, Мелвилл для южных морей и Торо для озера Уолден. Он ввел ее в круг вечных тем мировой литературы.

Пэт Конрой

Я никогда не читал столь интересной книги, как «Шантарам», и вряд ли прочту в ближайшем будущем что-нибудь превосходящее ее по широте охвата действительности. Это увлекательная, неотразимая, многогранная история, рассказанная прекрасно поставленным голосом. Подобно шаману – ловцу привидений, Грегори Дэвиду Робертсу удалось уловить самый дух произведений Анри Шарьера, Рохинтона Мистри, Тома Вулфа и Марио Варгаса Льюиса, сплавить это все воедино силой своего волшебства и создать уникальный памятник литературы. Рука бога Ганеши выпустила на волю слона, чудовище бежит, выйдя из-под контроля, и тебя невольно охватывает страх за храбреца, вознамерившегося написать роман об Индии. Грегори Дэвид Робертс – гигант, которому эта задача оказалась по плечу, он блистательный гуру и гений, без всякого преувеличения.

Мозес Исегава

Человек, которого «Шантарам» не тронет до глубины души, либо не имеет сердца, либо мертв, либо то и другое одновременно. Я уже много лет не читал ничего с таким наслаждением. «Шантарам» – это «Тысяча и одна ночь» нашего века. Это бесценный подарок для всех, кто любит читать.

Джонатан Кэрролл

«Шантарам» великолепен. И самое главное, он преподает нам урок, показывая, что те, кого мы бросаем в тюрьму, тоже люди. Среди них могут встретиться исключительные личности. И даже гениальные.

Эйлет Уолдман

Робертс побывал в таких краях и заглянул в такие уголки человеческой души, какие большинство из нас могут увидеть разве что в воображении. Вернувшись оттуда, он поведал нам историю, которая проникает в душу и утверждает вечные истины. Робертсу довелось пережить печаль и надежду, лишения и драму жизненной борьбы, жестокость и любовь, и он прекрасно описал все это в своем эпическом произведении, которое от начала до конца проникнуто глубоким смыслом, раскрытым уже в первом абзаце.

Барри Айслер

«Шантарам» абсолютно уникален, дерзок и неистов. Он застывает врасплох человека с самым необузданным воображением.

Elle

«Шантарам» покорила меня с первой же строки. Это потрясающая, трогательная, страшная, великолепная книга, необъятная, как океан.

Detroit Free Press

Это всеобъемлющий, глубокий роман, населенный персонажами, которые полны жизни. Но самое сильное и отрадное впечатление оставляет описание Бомбея, искренняя любовь Робертса к Индии и населяющим ее людям... Робертс приглашает нас в бомбейские трущобы, опиумные притоны, публичные дома и ночные клубы, говоря: «Заходите, мы с вами».

Washington Post

В Австралии его прозвали Благородным Бандитом, потому что он ни разу никого не убил, сколько бы банков ни ограбил. А после всего он взял и написал этот совершенно прекрасный, поэтичный, аллегорический толстенный роман, который буквально снес мне крышу.

Это поразительный читательский опыт, – по крайней мере, я был поражен до глубины души. Я только что видел первый вариант сценария и уверяю вас: фильм будет выдающийся.

Джонни Денн

Часть 1

Глава 1

Мне потребовалось много лет и странствий по всему миру, чтобы узнать все то, что я знаю о любви, о судьбе и о выборе, который мы делаем в жизни, но самое главное я понял в тот миг, когда меня, прикованного цепями к стене, избивали. Мой разум кричал, однако и сквозь этот крик я сознавал, что даже в этом распятом, беспомощном состоянии я свободен – я могу ненавидеть своих мучителей или простить их. Свобода, казалось бы, весьма относительная, но, когда ты ощущаешь только приливы и отливы боли, она открывает перед тобой целую вселенную возможностей. И сделанный тобой выбор между ненавистью и прощением может стать историей твоей жизни.

В моем случае это долгая история, заполненная людьми и событиями. Я был революционером, растерявшим свои идеалы в наркотическом тумане, философом, потерявшим самого себя в мире преступности, и поэтом, утратившим свой дар в тюрьме особо строгого режима. Сбежав из этой тюрьмы через стену между двумя пулеметными вышками, я стал самым популярным в стране человеком – ни с кем не искали встречи так настойчиво, как со мной. Удача сопровождала меня и перенесла меня на край света, в Индию, где я вступил в ряды бомбейских мафиози. Я был торговцем оружием, контрабандистом и фальшивомонетчиком. На трех континентах меня заковывали в кандалы и избивали, я не раз был ранен и умирал от голода. Я побывал на войне и шел в атаку под огнем противника. И я выжил, в то время как люди вокруг меня погибали. Они были по большей части лучше меня, просто жизнь их сбилась с пути и, столкнувшись на одном из крутых поворотов с чьей-то ненавистью, любовью или равнодушием, полетела под откос. Слишком много людей мне пришлось похоронить, и горечь их жизни слилась с моей собственной.

Но начинается моя история не с них и не с мафии, а с моего первого дня в Бомбее. Судьба забросила меня туда, втянув в свою игру. Расклад был удачен для меня: мне выпала встреча с Карлой Саарнен. Стоило мне заглянуть в ее зеленые глаза, и я сразу пошел ва-банк, приняв все условия. Так что моя история, как и все остальное в этой жизни, начинается с женщины, с нового города и с небольшой толики везения.

Первое, на что я обратил внимание в тот первый день в Бомбее, – непривычный запах. Я почувствовал его уже в переходе от самолета к зданию аэровокзала – прежде, чем услышал или увидел что-либо в Индии. Этот запах был приятен и будоражил меня в ту первую минуту в Бомбее, когда я, вырвавшись на свободу, заново вступал в большой мир, но он был мне абсолютно незнаком. Теперь я знаю, что это сладкий, тревожный запах надежды, уничтожающей ненависть, и в то же время кислый, затхлый запах жадности, уничтожающей любовь. Это запах богов и демонов, распадающихся и возрожденных империй и цивилизаций. Это голубой запах кожи океана, ощутимый в любой точке города на семи островах, и кроваво-металлический запах машин. Это запах суеты и покоя, всей жизнедеятельности шестидесяти миллионов животных, больше половины которых – человеческие существа и крысы. Это запах любви и разбитых сердец, борьбы за выживание и жестоких поражений, выковывающих нашу храбрость. Это запах десяти тысяч ресторанов, пяти тысяч храмов, усыпальниц, церквей и мечетей, а также сотен базаров, где торгуют исключительно духами, пряностями, благовониями и свежими цветами. Карла назвала его однажды худшим из самых прекрасных ароматов, и она была, несомненно, права, как она всегда бывает по-своему права в своих оценках. И теперь, когда бы я ни приехал в Бомбей, прежде всего я ощущаю этот запах – он приветствует меня и говорит, что я вернулся домой.

Второе, что сразу же дало о себе знать, – жара. Уже через пять минут после кондиционированной прохлады авиасалона я вдруг почувствовал, что одежда прилипла ко мне. Мое сердце колотилось, отбивая атаки незнакомого климата. Каждый вздох был маленькой победой организма в ожесточенной схватке. Впоследствии я убедился, что этот тропический пот не оставляет тебя ни днем ни ночью, потому что он порожден влажной жарой. Удушающая влажность превращает всех нас в амфибий; в Бомбее ты непрерывно вдыхаешь вместе с воздухом воду и постепенно привыкаешь так жить, и даже находишь в этом удовольствие – или уезжаешь отсюда.

И наконец, люди. Ассамцы, джаты и пенджабцы; уроженцы Раджастхана, Бенгалии и Тамилнада, Пушкара, Кочина и Конарака; брамины, воины и неприкасаемые; индусы, мусульмане, христиане, буддисты, парсы, джайны, анимисты; светлокожие и смуглые, с зелеными, золотисто-кариыми или черными глазами – все лица и все формы этого ни на что не похожего многообразия, этой несравненной красоты – Индии.

Несколько миллионов бомбейцев плюс миллион приезжих. Два лучших друга контрабандиста – мул и верблюд. Мулы помогают ему переправить товар из страны в страну в обход таможенных застав. Верблюды – простодушные странники. Человек с фальшивым паспортом втирается в их компанию, и они без лишнего шума перевозят его, нарушая границу и сами о том не подозревая.

Тогда все это было мне еще неведомо. Тонкости контрабандного промысла я освоил значительно позже, спустя годы. В тот первый приезд в Индию я действовал чисто инстинктивно, и единственной контрабандой, какую я перевозил, был я сам, моя хрупкая преследуемая свобода. У меня был фальшивый новозеландский паспорт, в котором вместо фотографии прежнего владельца была вклеена моя. Я проделал эту операцию самостоятельно и небезупречно. Рядовую проверку паспорт должен был выдержать, но, если бы у таможенников возникли подозрения и они связались бы с посольством Новой Зеландии, подделка очень быстро раскрылась бы. Поэтому сразу после вылета из Окленда я стал искать в самолете подходящую группу туристов и обнаружил компанию студентов, уже не в первый раз летевших этим рейсом. Расспрашивая их об Индии, я завязал с ними знакомство и пристроился к ним у таможенного контроля в аэропорту. Индийцы решили, что я принадлежу к этой раскрепощенной и бесхитростной братии и ограничились поверхностным досмотром.

Уже в одиночестве я вышел из здания аэропорта, и на меня тут же накинuloся жалящее солнце. Ощущение свободы кружило мне голову: еще одна стена преодолена, еще одна граница позади, я могу бежать на все четыре стороны и найти где-нибудь убежище. Прошло уже два года после моего побега из тюрьмы, но жизнь того, кто объявлен вне закона, – непрерывное бегство, и днем и ночью. И хотя я не чувствовал себя по-настоящему свободным – это было мне заказано, – но с надеждой и опасливым возбуждением ожидал встречи с новой страной, где я буду жить с новым паспортом, приобретая новые тревожные складки под серыми глазами на своем молодом лице. Я стоял на пешеходной дорожке под опрокинутой синей чашей пропеченного бомбейского неба, и сердце мое было так же чисто и полно радужных надежд, как раннее утро на овеваемом муссонами Малабарском берегу.

– Сэр! Сэр! – послышался голос позади меня.

Кто-то схватил меня за руку. Я остановился. Все мои боевые мускулы напряглись, но я подавил страх. Только не бежать. Только не поддаваться панике. Я обернулся.

Передо мной стоял маленький человечек в унылой коричневой униформе, держа в руках мою гитару. Он был не просто маленьким, а крошечным, настоящим карликом с испуганно-невинным выражением лица, как у слабоумного.

– Ваша музыка, сэр. Вы забыли свою музыку, да?

Очевидно, я оставил ее у «карусели», где получал свой багаж. Но откуда этот человечек узнал, что гитара моя? Когда я удивленно и с облегчением улыбнулся, он ухмыльнулся мне в

ответ с такой полнейшей непосредственностью, какой мы обычно избегаем, боясь показаться простоватыми. Он отдал мне гитару, и я заметил, что между пальцами у него перепонки, как у водоплавающей птицы. Я вытащил из кармана несколько банкнот и протянул ему, но он неуклюже попятился от меня на своих толстых ногах.

– Деньги – нет. Мы здесь должны помогать. Добро пожаловать к Индии, – произнес он и засеменил прочь, затерявшись в человеческом лесу.

Я купил билет до центра у кондуктора Ветеранской автобусной линии. За рулем сидел отставной военнослужащий. Увидев, с какой легкостью взлетают на крышу мой вещмешок и саквояж, точно приземлившись на свободное место среди прочего багажа, я решил оставить гитару при себе. Я пристроился на задней скамейке рядом с двумя длинноволосыми туристами. Автобус быстро наполнялся местными жителями и приезжими, по большей части молодыми и стремившимися тратить как можно меньше.

Когда салон был почти полон, водитель обернулся, обвел нас угрожающим взглядом, пустил изо рта через открытую дверь струю ярко-красного бетельного сока и объявил, что мы немедленно отправляемся:

– *Тхик хайн, чало!*¹

Двигатель взревел, шестерни со скрежетом сцепились, и мы с устрашающей скоростью рванулись вперед сквозь толпу носильщиков и пешеходов, которые шарахались в стороны, выпархивая из-под колес автобуса в последнюю секунду. Наш кондуктор, ехавший на подножке, поливал их при этом отборной бранью.

Поначалу в город вела широкая современная магистраль, обсаженная деревьями и кустами. Это напоминало чистенький благоустроенный пейзаж вокруг международного аэропорта в моем родном Мельбурне. Убаюканный и ублаженный этим сходством, я был ошеломлен, когда дорога внезапно сузилась до предела, – можно было подумать, что этот контраст задуман специально для того, чтобы поразить приезжего. Несколько полос движения слились в одну, деревья исчезли, и вместо них по обеим сторонам дороги появились трущобы, при виде которых у меня кошки заскребли на сердце. Целые акры трущоб уходили вдаль волнистыми черно-коричневыми дюнами, исчезая на горизонте в жарком мареве. Жалкие лачуги были сооружены из бамбуковых шестов, тростниковых циновок, обрезков пластмассы, бумаги, тряпья. Они прижимались вплотную друг к другу; кое-где между ними извивались узкие проходы. На всем раскинувшемся перед нами пространстве не было видно ни одного строения, которое превышало бы рост человека.

Казалось невероятным, что современный аэропорт с толпой обеспеченных целеустремленных туристов находится всего в нескольких километрах от этой юдоли разбитых и развешанных по ветру чайний. Первое, что пришло мне в голову, – где-то произошла страшная катастрофа и это лагерь, в котором нашли временное пристанище уцелевшие. Месяцы спустя я понял, что жителей трущоб и вправду можно считать уцелевшими, – их согнали сюда из их деревень нищета, голод, массовые убийства. Каждую неделю в город прибывали пять тысяч беженцев, и так неделя за неделей, год за годом.

По мере того как счетчик водителя накручивал километры, сотни обитателей трущоб становились тысячами и десятками тысяч, и меня буквально крючило внутри. Я стыдился своего здоровья, денег в карманах. Если вы в принципе способны чувствовать такие вещи, то первое неожиданное столкновение с людьми, отверженными миром, будет для вас мучительным обвинением. Я грабил банки и промышлял наркотиками, тюремщики избивали меня так, что кости трескали. В меня не раз всаживали нож, и я всаживал нож в ответ. Я убежал из тюрьмы с крутыми порядками и парнями, перебравшись через крутую стену в самом видном месте. Тем

¹ Хорошо, едем! (*хинди*)

не менее это распахнувшееся до самого горизонта море людского страдания резануло меня по глазам. Я словно напоролся на нож.

Тлеющее внутри меня чувство стыда и вины все больше разгоралось, заставляя сжимать кулаки из-за этой несправедливости. «Что это за правительство, – думал я, – что это за система, которая допускает такое?»

А трущобы все тянулись и тянулись; изредка бросались в глаза составлявшие разительный контраст с ними процветающие предприятия и офисы, а также обшарпанные многоквартирные дома, заселенные теми, кто был чуть побогаче. Но за ними опять простирались трущобы, и их неизбывность вытравила из меня всякую почтительность перед чужой страной. Я с каким-то трепетом стал наблюдать за людьми, жившими в этих бесчисленных развалах. Вот женщина наклонилась, чтобы зачесать вперед черную атласную прядь волос. Еще одна купала детей в медном тазу. Мужчина вел трех коз с красными ленточками, привязанными к ошейникам. Другой брился перед растрескавшимся зеркальцем. Повсюду играли дети. Люди тащили ведра с водой, ремонтировали одну из хижин. И все, на кого бы я ни посмотрел, улыбались и смеялись.

Автобус остановился, застряв в пробке, и совсем рядом с моим окном из хижины вышел мужчина. Это был европеец, такой же бледнокожий, как и туристы в нашем автобусе, только вся его одежда состояла из обернутого вокруг торса куска ткани, разрисованного розочками. Мужчина потянулся, зевнул и безотчетно почесал свой голый живот. От него веяло прямо-таки коровьей безмятежностью. Я позавидовал его умиротворенности, как и улыбкам, которыми его приветствовала группа людей, направлявшихся к дороге.

Автобус рывком тронулся с места, и мужчина остался позади. Но встреча с ним кардинально изменила мое восприятие окружающего. Он был таким же иностранцем, как и я, и это позволило мне представить самого себя в этом мире. То, что казалось мне абсолютно чуждым и странным, вдруг стало реальным, вполне возможным и даже захватывающим. Теперь я видел, как трудолюбивы эти люди, сколько старания и энергии во всем, что они делают. Случайный взгляд в ту или иную хижину демонстрировал поразительную чистоту этих нищенских обиталищ: полы без единого пятнышка, блестящую металлическую посуду, составленную аккуратными горками. И наконец я обратил внимание на то, что должен был заметить с самого начала, – эти люди были удивительно красивы: женщины, обмотанные ярко-алыми, голубыми и золотыми тканями, ходившие босиком среди этой тесноты и убожества с терпеливой, почти неземной грацией, белозубые мужчины с миндалевидными глазами и веселые дружелюбные дети с худенькими руками и ногами. Старшие играли вместе с малышами, у многих на коленях сидели их маленькие братья и сестры. И впервые за последние полчаса я улыбнулся.

– Да, жалкое зрелище, – произнес сидевший рядом со мной молодой человек, глядя в окно.

Это был канадец, как можно было понять по пятну в форме кленового листа на его куртке, – высокий, плотного сложения, с бледно-голубыми глазами и каштановыми волосами до плеч. Его товарищ был его уменьшенной копией – они даже одеты были одинаково: застиранные почти до белизны джинсы, мягкие куртки из набивного ситца и сандалии на ногах.

– Что вы говорите?

– Вы здесь впервые? – спросил он, вместо ответа, и, когда я кивнул, сказал: – Я так и думал. Дальше будет немного лучше – меньше трущоб и всего этого. Но действительно хороших мест вы в Бомбее не найдете – самый захудалый город во всей Индии, можете мне поверить.

– Это верно, – заметил канадец поменьше.

– Правда, нам по пути попадется парочка красивых храмов, вполне приличные английские дома с каменными львами, медные уличные фонари и тому подобное. Но это не Индия.

Настоящая Индия возле Гималаев, в Манали, или в религиозном центре Варанаси, или на Южном побережье, в Керале. Настоящая Индия не в городах.

– И куда вы направляетесь?

– Мы остановимся в ашраме у раджнишитов², в Пуне. Это лучший ашрам во всей стране.

Две пары прозрачных бледно-голубых глаз уставились на меня критически, чуть ли не с обвинением, как свойственно людям, убежденным, что они нашли единственно верный путь.

– А вы задержитесь здесь?

– В Бомбее, вы имеете в виду?

– Да, вы собираетесь остановиться где-нибудь в городе или сегодня же поедете дальше?

– Не знаю пока, – ответил я и отвернулся к окну.

Это было правдой: я не знал, хочу ли я провести в Бомбее какое-то время или сразу двинусь... куда-нибудь. В тот момент мне было все равно, я представлял собой особь, которую Карла назвала как-то самым опасным и самым интересным животным в мире: крутого парня, не имеющего перед собой никакой цели.

– У меня нет определенных планов, – сказал я. – Может быть, побуду в Бомбее недолго.

– А мы переночуем здесь, а утром отправимся в Пуну поездом. Если хотите, мы можем снять номер на троих. Это гораздо дешевле.

Я посмотрел в его бесхитростные голубые глаза. «Пожалуй, поначалу лучше поселиться вместе с ними, – подумал я. – Их подлинные документы и простодушные улыбки послужат прикрытием для моего фальшивого паспорта. Возможно, так будет безопаснее».

– И так будет безопаснее, – добавил он.

– Это точно, – согласился его товарищ.

– Безопаснее? – спросил я небрежным тоном, внутренне насторожившись.

Автобус снизил скорость, пробираясь по узкому ущелью между трех- и четырехэтажными домами. Взад-вперед сновали автомобили, автобусы, грузовики, велосипеды, буйволы, упряжки, мотороллеры и пешеходы, совершая свой целенаправленный танец со сверхъестественным проворством. Сквозь открытые окна нашего потрепанного автобуса доносились запахи пряностей, благовоний, выхлопных газов и навоза – смесь могучая, но терпимая. Громкие голоса старались перекрыть льющуюся со всех сторон экзотическую музыку. Тут и там гигантские афиши рекламировали индийские кинофильмы. Их ненатурально яркие краски струились непрерывным потоком мимо наших окон.

– Намного безопаснее. Бомбей – ловушка для простаков. Здешние уличные мальчишки обдерут вас почище любого жульнического казино.

– Это мегаполис, приятель, – пустился в объяснения низенький канадец. – А они все одинаковы. То же самое в Нью-Йорке, Рио или Париже. Всюду та же грязь и то же безумие. Да вы и сами, наверное, представляете, что такое мегаполис. Когда вы выберетесь из этого города, вы полюбите Индию. Это великая страна, но города все засраны, приходится признать.

– А чертовы отели тоже участвуют в этой обираловке, – добавил высокий. – Вас могут обчистить, пока вы сидите в своем номере и курите травку. Они в сговоре с полицией – и те и другие только и думают, как бы избавить вас от наличности. Поэтому самое надежное – держаться группой, поверьте моему опыту.

– И постарайтесь при первой возможности убраться из города, – сказал низкий. – Мать честная! Смотрите!

Автобус вывернул на широкий бульвар, окаймленный с одной стороны грядой огромных валунов, спускавшихся прямо к бирюзовым океанским волнам. Среди камней приютились гру-

² *Ашрам* – исходно приют отшельника; часто является также центром религиозного образования; *раджнишизм* – религиозное учение, основанное в 1964 г. Бхагваном Шри Раджнишем (Ошо) и объединяющее постулаты христианства, древнеиндийских и некоторых других религий.

бые закопченные хижины, похожие на почерневшие обломки какого-то старинного корабля, потерпевшего здесь крушение. И эти хижины горели.

– Черт побери! Этот парень поджаривается заживо! – закричал высокий канадец, указывая на мужчину, бежавшего к морю.

Его одежда и волосы были объаты пламенем. Мужчина поскользнулся и тяжело упал среди камней. Женщина с ребенком подбежала к нему и стала сбивать пламя своей одеждой и голыми руками. Их соседи старались погасить пожар в собственных домах или просто стояли и смотрели, как догорают принадлежавшие им хлипкие строения.

– Вы видели? Парню не выжить, это точно.

– Да, черт возьми, ты прав! – выдохнул низенький.

Наш водитель замедлил ход вместе с другими автомобилями, чтобы поглазеть на пожар, но затем вновь нажал на газ и продолжил путь. Ни одна из многочисленных проезжавших машин не остановилась. Обернувшись, я смотрел через заднее стекло автобуса, пока обуглившиеся бугорки хижин не превратились в черные точки, а коричневый дым пожарища не стал затихающим шепотом происшедшего несчастья.

В конце длинного бульвара, тянувшегося вдоль берега моря, мы сделали левый поворот и выехали на широкую улицу, застроенную современными зданиями. У входа в фешенебельные отели стояли под разноцветными тентами швейцары в ливреях. Шикарные рестораны утопали в зелени садов. Сверкали на солнце стеклом и медью фасады авиакомпаний и прочих учреждений. Торговые лотки прятались от палящих лучей под большими зонтами. Шагавшие по улице мужчины носили деловые костюмы западного образца и прочную обувь, женщины были закутаны в дорогие шелка. У всех был озабоченный и полный достоинства вид; в офисы они заходили с серьезными лицами.

Повсюду бросался в глаза контраст между тем, что было мне хорошо знакомо, и непривычным. Повозка, запряженная буйволами, остановилась у светофора рядом с модным спортивным автомобилем. Мужчина присел, чтобы облегчиться, за сомнительным укрытием в виде тарелки спутниковой антенны. Электропогрузчик разгружал товар с древней колымаги на деревянных колесах. Далекое прошлое настойчиво пробивалось сквозь барьеры времени в собственное будущее. Мне это нравилось.

– Мы подъезжаем, – объявил мой сосед. – Центр города совсем рядом. Правда, это не совсем то, что мы обычно понимаем под городским центром, – просто район, где сосредоточены дешевые туристские гостиницы. Он называется Колаба. Ну вот мы и прибыли.

Молодые люди достали из карманов свои паспорта и дорожные чеки и засунули их прямо в штаны. Низенький даже снял часы и запихал их вместе с паспортом, деньгами и прочими ценностями в трусы, став похожим на сумчатое животное. Поймав мой взгляд, он улыбнулся:

– Осторожность не помешает.

Я встал и пробрался к передним дверям. Когда мы остановились, я сошел первым, но увяз в толпе людей, окруживших автобус. Это были посыльные из гостиниц, торговцы наркотиками и прочие уличные зазывалы. Они вопили на ломаном английском, предлагая дешевое жилье и другие услуги. Впереди всех у дверей автобуса был маленький человечек с большой, почти идеально круглой головой, одетый в хлопчатобумажную рубашку и парусиновые брюки. Он заорал на окружающих, чтобы утихомирить их, и обратился ко мне с самой широкой и лучезарной улыбкой, какую мне когда-либо приходилось видеть:

– Доброе утро, знаменитые сэры! Добро пожаловать в Бомбей! Вы нуждаетесь в отличных дешевых отелях, не прав ли я?

Он смотрел мне в глаза, все так же сверкая своей широкой улыбкой. И было в этой улыбке какое-то быющее через край озорство, более искреннее и восторженное, чем обыкновенная радость, которое проникло мне прямо в сердце. Мы всего лишь секунду смотрели друг на друга, но этого мне было достаточно, чтобы решить: я могу довериться этому маленькому чело-

веку с широкой улыбкой. Это оказалось одним из самых удачных решений в моей жизни, хотя тогда я, конечно, этого еще не знал.

Пассажиры, покидавшие автобус, отбивались от облепившего их роя торговцев и зазывал. Два канадца беспрепятственно проложили себе путь через толпу, одаривая одинаковой широкой улыбкой обе воюющие стороны. Глядя, как ловко они лавируют в гуще людей, я впервые обратил внимание на то, какие это здоровые, энергичные и симпатичные парни, и подумал, что стоит принять их предложение снять общий номер. В их компании я мог быть уверен, что ни у кого и мысли не возникнет о каких-либо побегах из тюрьмы и фальшивых документах.

Человечек схватил меня за рукав и выволок из бушевавшей толпы за автобус. Кондуктор с обезьяньей ловкостью забрался на крышу и скинул мне на руки мой вещмешок и саквояж. Прочие тюки и чемоданы посыпались на мостовую с устрашающим грохотом. Пассажиры кинулись спасать свое имущество, а мой проводник опять отвел меня в сторону на спокойное место.

– Меня зовут Прабакер, – произнес он по-английски с мелодичным акцентом. – А каково твое доброе имя?

– Мое доброе имя Линдсей, – соврал я в соответствии со своим паспортом.

– Я бомбейский гид. Очень отличный бомбейский гид, высший класс. Весь Бомбей я знаю очень хорошо. Ты хочешь увидеть все-все-все. Я точно знаю, где ты найдешь этого больше всего. Я могу показать тебе даже больше, чем все.

Два молодых канадца подошли к нам, преследуемые все той же назойливой бандой обворованных пристава. Прабакер прикрикнул на своих разошедшихся коллег, и те отступили на несколько шагов, пожирая глазами наши пожитки.

– Прежде всего я хочу увидеть приличный и дешевый гостиничный номер, – сказал я.

– Разумеется, сэр! – просиял Прабакер. – Я могу отвести тебя в дешевую гостиницу, и в очень дешевую гостиницу, и в слишком очень дешевую гостиницу, и даже в такую дешевую гостиницу, что никто с нормальным умом никогда там не останавливается.

– Хорошо. Веди нас, Прабакер. Посмотрим, что ты можешь нам предложить.

– Одну минуту, – вмешался высокий канадец. – Вы собираетесь заплатить этому типу? Я хочу сказать, что и без него знаю, где остановиться. Не обижайся, друг, – я уверен, ты прекрасный гид и все такое, но ты нам не нужен.

Я посмотрел на Прабакера. Его большие темно-карие глаза изучали мое лицо с веселым дружелюбием. Я никогда не встречал менее агрессивного человека, чем Прабакер Харре: он был не способен гневно повысить голос или поднять на кого-нибудь руку – я это почувствовал с самых первых минут нашего знакомства.

– А ты что скажешь, Прабакер? – спросил я его с шутливой серьезностью. – Нужен ты мне?

– О да! – вскричал он. – Ты так нуждаешься во мне, что я почти плачу от сочувствия к твоей ситуации! Одному Богу известно, какие ужасные вещи будут с тобой происходить в Бомбее без моего сопровождения твоего тела.

– Я заплачу ему, – сказал я канадцам; пожав плечами, они взяли свои вещи. – Ладно. Пошли, Прабакер.

Я хотел поднять свой вещмешок, но Прабакер тут же ухватился за него.

– Твой багаж носить – это я, – вежливо, но настойчиво произнес он.

– Это ни к чему. Я и сам прекрасно справлюсь.

Широкая улыбка скривилась в умоляющую гримасу.

– Пожалуйста, сэр. Это моя работа. Это мой долг. Я сильный на спине. Без проблем. Ты увидишь.

Все мое нутро восставало против этого.

– Нет-нет...

– Пожалуйста, мистер Линдсей. Это моя честь. Смотри на людей.

Прабакер простер руку, указывая на своих товарищей, которым удалось заполучить клиентов среди пассажиров автобуса. Все они, схватив сумку, чемодан или рюкзак, деловито и решительно уводили свою добычу в нужном им направлении.

– М-да... Ну ладно, – пробормотал я, подчиняясь.

Это была первая из моих капитуляций перед ним, которые в дальнейшем стали характерной чертой наших отношений. Его круглое лицо опять расплылось в улыбке; я помог ему взвалить вещмешок на спину. Ноша была нелегкая. Прабакер пригнулся и, вытянув шею, устремился вперед, тяжело ступая. Я большими шагами быстро догнал его и посмотрел на его напряженное лицо. Я чувствовал себя белым *бваной*³, использующим туземца как выючное животное, и это было мерзкое ощущение.

Но маленький индеец смеялся и болтал о Бомбее и достопримечательностях, которые следует посмотреть, указывая время от времени на те, что попадались нам по пути, и приветствуя улыбкой встречаемых знакомых. К канадцам он обращался с почтительным дружелюбием. И он действительно был силен – гораздо сильнее, чем казалось с первого взгляда. За пятнадцать минут ходьбы до гостиницы он ни разу не остановился и не оступился.

Поднявшись на четыре пролета по крутым замшелым ступеням темной лестницы с задней стороны большого здания, чей фасад был обращен к морю, мы оказались в «Индийской гостинице». На каждом из этажей, которые мы проходили, имелись вывески: «Отель Апсара», «Гостиница „Звезда Азии“», «Приморский отель». Как можно было понять, в одном здании разместилось четыре гостиницы, каждая из которых обладала собственным персоналом, фирменным набором услуг и особым стилем.

Мы вчетвером ввалились со своим багажом в маленький холл. За стальной конторкой возле коридора, ведущего к номерам, восседал рослый мускулистый индеец в ослепительно-белой рубашке и черном галстуке.

– Добро пожаловать, – приветствовал он нас, осторожно улыбнувшись и продемонстрировав две ямочки на щеках. – Добро пожаловать, молодые джентльмены.

– Ну и дыра, – пробормотал высокий канадец, оглядывая фанерные перегородки с облупившейся краской.

– Это мистер Ананд, – поспешил представить портье Прабакер. – Лучший менеджер лучшего отеля в Колабе.

– Заткнись, Прабакер, – проворчал мистер Ананд.

Улыбка Прабакера стала еще шире.

– Видишь, какой замечательный менеджер этот мистер Ананд? – прошептал он мне. Затем он обратил свою улыбку к замечательному менеджеру. – Я привел вам три отборных туриста, мистер Ананд. Самые лучшие постояльцы для самого лучшего отеля, вот как!

– Заткнись, я сказал! – рявкнул Ананд.

– Сколько? – спросил низенький канадец.

– Простите? – пробормотал Ананд, продолжая испепелять взглядом Прабакера.

– Один номер, три человека, на одну ночь. Сколько это будет стоить?

– Сто двадцать рупий.

– Что?! – взорвался канадец. – Вы шутите?

– Это слишком много, – поддержал его товарищ. – Пошли отсюда.

– Без проблем, – бросил Ананд. – Можете идти куда-нибудь еще.

Они стали собирать свои пожитки, но Прабакер остановил их с отчаянным криком:

– Нет-нет! Это самый прекраснейший из всех отелей. Пожалуйста, посмотрите в номер! Пожалуйста, мистер Линдсей, только посмотрите в этот восхитительный номер!

³ *Бвана* – господин (хинди).

На миг воцарилась тишина. Молодые канадцы замешкались на пороге. Ананда вдруг необыкновенно заинтересовало что-то в книге, куда он записывал постояльцев. Прабакер схватил меня за рукав. Я уже успел проникнуться симпатией к моему гиду, и мне импонировала манера, с которой держался Ананд. Он не заискивал перед нами и не уговаривал остаться, предоставив нам самим решать, соглашаться на его условия или нет. Он поднял глаза от журнала и встретился со мной взглядом. Это был прямой и честный взгляд человека, уверенного в себе и с уважением относящегося к другому. Ананд нравился мне все больше.

– Ладно, давайте посмотрим в этот номер, – сказал я.

– Да-да! – засмеялся Прабакер.

– Ну давайте, – согласились канадцы, вздыхая и улыбаясь.

– В конце коридора, – улыбнулся Ананд в ответ, снимая ключ от номера с крючка и кладя его передо мной на конторку вместе с прикрепленным к нему тяжелым латунным номерком. – Последняя комната справа, дружище.

Это была большая комната с тремя кроватями, накрытыми покрывалами, одним окном с видом на море и еще несколькими, выходившими на шумную улицу. При взгляде на крашенные стены, каждая из которых резала глаз своим оттенком зеленого, начинала болеть голова. По углам краска отстала от стен и свисала, закручиваясь спиралью. Потолок был в паутине трещин. Бетонный пол, с уклоном в сторону уличных окон, был неровным и волнистым, на нем выступали бугорки непонятного происхождения. Меблировка состояла, помимо кроватей, из трех маленьких пристенных столиков клееной фанеры и обшарпанного туалетного столика с потрескавшимся зеркалом. Наши предшественники оставили на память о себе оплывшую свечу в бутылке из-под ирландского крем-ликера «Бейлис», вырезанную из календаря и прикрепленную скотчем к стене репродукцию, изображавшую неаполитанскую уличную сценку, и два жалких полуспушенных воздушных шарика, привязанные к решетке вентиляционного отверстия. Интерьер побуждал постояльцев увековечивать на стенах, подобно заключенным тюремной камеры, свои имена и пожелания.

– Я беру номер, – решил я.

– Да! – воскликнул Прабакер и тут же кинулся обратно в холл.

Мои попутчики посмотрели друг на друга и рассмеялись.

– С этим чудачком бесполезно спорить. Он чокнутый, – заявил высокий.

– Да уж, – хмыкнул низкий и, наклонившись, понюхал простыни на одной из кроватей и осторожно сел на нее.

Прабакер вернулся вместе с Анандом, державшим в руках толстую книгу записи постояльцев. Пока мы по очереди вносили в нее сведения о себе, Ананд проверил наши паспорта. Я уплатил за неделю вперед. Ананд вернул паспорта канадцам, а моим стал задумчиво похлопывать себя по щеке.

– Новая Зеландия? – проговорил он.

– Да, и что? – Я нахмурился, гадая, что он мог углядеть или почувствовать.

После того как я по собственному почину сократил двадцатилетний срок своего заключения, Австралия объявила меня в розыск и мое имя числилось в Интерполе среди беглецов. «Что ему известно? – подумал я. – К чему он клонит?»

– Хм... Ну, ладно. Новая Зеландия так Новая Зеландия. Возможно, вы захотите что-нибудь покурить, выпить пива или виски, разменять деньги, нанять девушек, провести время в хорошей компании. Если вам понадобится что-нибудь, скажете мне, *на*?⁴

Он вернул мне паспорт и, бросив грозный взгляд на Прабакера, покинул комнату. Стоявший у дверей гид отшатнулся от него, съездившись и одновременно счастливо улыбаясь.

– Большой человек, замечательный менеджер, – выпалил он после ухода Ананда.

⁴ 1) Нет; 2) да? не так ли? (вопросительный «хвостик» в конце предложения) (*хинди*).

– Прабакер, у вас здесь часто останавливаются новозеландцы?

– Не очень часто, мистер Линдсей. Но они все очень замечательные личности. Смеются, курят, пьют, ночью занимаются сексом с женщинами, а потом опять смеются, курят и пьют.

– Угу. Ты, случайно, не знаешь, где я мог бы достать немного гашиша, Прабакер?

– Я не знаю?! Я могу достать одну *толу*⁵, один килограмм, десять килограммов, и я даже знаю, где целый склад гашиша.

– Целый склад мне не нужен. Я просто хочу покурить.

– Так случается, что у меня в кармане есть одна тола, десять граммов лучшего афганского *чараса*⁶. Ты хочешь купить?

– За сколько?

– Двести рупий, – предложил он с надеждой в голосе.

Я подозревал, что он завысил цену по крайней мере вдвое, но даже при этом двести рупий – около двенадцати американских долларов по тогдашнему курсу – составляли одну десятую того, что запрашивали в Австралии. Я дал ему папиросную бумагу и пачку табака:

– Хорошо. Сверни сигарку, я попробую. Если мне понравится гашиш, я куплю.

Мои сокамерники растянулись на двух параллельных кроватях и, когда Прабакер вытащил из кармана порцию гашиша, посмотрели друг на друга с одинаковым выражением, приподняв брови и поджав губы. Они заворожено и боязливо наблюдали за тем, как маленький индеец, встав на колени у туалетного столика, сворачивает самокрутку на его пыльной поверхности.

– Вы уверены, что поступаете разумно, приятель?

– Да, может, они подстроили это нарочно, чтобы обвинить нас в употреблении наркотиков, или что-нибудь вроде этого?

– Я думаю, Прабакеру можно доверять. Вряд ли это ловушка, – ответил я, разворачивая свое походное одеяло и расстелив его на постели возле уличных окон.

На подоконнике была устроена полочка, и я стал выкладывать на нее свои безделушки, сувениры и талисманы – черный камешек, который мне вручил некий малыш в Новой Зеландии, окаменелую раковину улитки, найденную одним из моих друзей, и браслет из когтей ястреба, подаренный другим. Я скрывался от правосудия. У меня не было своего дома и своей страны, и я возил с собой вещи, которые мне дали друзья: огромную аптечку, купленную ими в складчину, рисунки, стихи, раковины, перья. Даже одежду и обувь приобрели для меня они. Здесь не было несущественных мелочей; подоконник стал теперь моим домом, а все эти сувениры – моей родиной.

– Если вы боитесь, парни, то можете выйти погулять или подождать на улице, пока я курю. А потом я позову вас. Просто я обещал своим друзьям, что, попав в Индию, первым делом закурю гашиш и буду при этом думать о них, так что я выполняю обещание. К тому же мне показалось, что портье смотрит на это сквозь пальцы. У нас могут быть неприятности из-за курения в гостинице, Прабакер?

– Курение, выпивка, музыка, танцы, секс в гостинице – без проблем, – заверил нас Прабакер, подняв на миг голову от своего занятия и расплывшись в улыбке. – Все разрешается без проблем. Кроме драк. Драка – это плохие манеры в «Индийской гостинице».

– Вот видите? Без проблем.

– И еще умирание, – добавил Прабакер, задумчиво покрутив круглой головой. – Мистер Ананд не любит, когда здесь умирают.

– Что-что? Что он несет?

⁵ Тола – индийская единица веса, равная 13,7 г.

⁶ Чарас – смесь гашиша и табака.

– Он что, серьезно? Еще не хватало, черт побери, чтобы кто-нибудь *умирал* тут! Господи Иисусе!

– Умирание для вас тоже не проблема, *баба*⁷, – успокоил Прабакер пришедших в смятение канадцев, предлагая им аккуратно свернутую сигарету; высокий канадец взял ее и слегка затянулся. – Не очень много людей умирает здесь, в «Индийской гостинице», и в основном только наркоманы с костлявыми лицами. Для вас с вашими такими прекрасными большими упитанными телами нет проблем.

Он с обезоруживающей улыбкой вручил мне самокрутку. Затянувшись, я отдал сигарету ему, и он с нескрываемым удовольствием затянулся тоже, а затем передал ее канадцам:

– Хороший чарас, да?

– Да, он действительно хорош, – ответил высокий канадец, улыбаясь от души.

С тех пор эта широкая искренняя улыбка ассоциируется у меня с Канадой и ее жителями.

– Беру, – сказал я.

Прабакер передал мне десятиграммовую плитку, я разломил ее на две части и одну из них кинул ближайшему канадцу:

– Держите. Будет чем развлечься завтра в поезде по дороге в Пуну.

– Благодарю, – отозвался он. – Слушай, а ты молоток. Немного сдвинутый, но молоток.

Я вытащил из саквояжа бутылку виски и откупорил ее. Это также было исполнением обещания, данного одной из новозеландских подруг. Она просила меня выпить в память о ней, если мне удастся благополучно добраться до Индии с фальшивым паспортом. Эти маленькие ритуалы – сигарета, виски – были важны для меня. Я был уверен, что навсегда потерял и свою семью, и друзей; что-то подсказывало мне, что я никогда их больше не увижу. Я был один в целом свете, без всякой надежды на возвращение домой, и вся моя прошлая жизнь была заключена в воспоминаниях, талисманах и прочих залогах любви.

Я уже хотел приложиться к бутылке, но, передумав, предложил ее сначала Прабакеру.

– Грандиозное спасибо, мистер Линдсей! – просиял он, округлив глаза от удовольствия. Запрокинув голову, он вылил порцию виски себе в рот, не касаясь губами горлышка. – Это самый наихороший виски, «Джонни Уокер», высший класс. Да...

– Глотни еще, если хочешь.

– Только маленький кусочек, такое спасибо. – Он плеснул еще виски прямо в горло, заметно расширившееся при этом. Сделав паузу, он облизнулся, затем поднял бутылку в третий раз. – Прошу прощения, да-а, большого прощения. Это такой хороший виски, что он производит у меня плохие манеры.

– Послушай, если виски тебе так нравится, можешь оставить бутылку себе. У меня есть еще одна. Я купил их в самолете без пошрины.

– О, благодарю... – ответил Прабакер, но при этом почему-то несколько скис.

– В чем дело? Ты не хочешь виски?

– Хочу-хочу, мистер Линдсей, очень серьезно хочу. Но если б я знал, что это мой виски, а не твой, я не пил бы так щедро.

Канадцы расхохотались.

– Знаешь что, Прабакер, я отдам тебе вторую бутылку, а открытую мы сейчас разопьем. Идет? И вот двести рупий за курево.

Улыбка опять расцвела, и Прабакер, обменяв початую бутылку на целую, нежно прижал ее к груди.

– Но, мистер Линдсей, ты делаешь ошибку. Я говорю, что этот замечательный чарас стоит одну сотню рупий, не две.

– Угу.

⁷ *Баба* – уважительное обращение.

– Да, одну сотню рупий только, – произнес он, с решительным видом возвращая мне одну из купюр.

– Хорошо. Знаешь, Прабакер, я ничего не ел в самолете, и неплохо бы теперь пообедать. Ты можешь показать мне какой-нибудь приличный ресторан?

– С несомненной уверенностью, мистер Линдсей, сэр! Я знаю такие отличные рестораны с такой замечательной пищей, что твоему желудку будет прямо плохо от счастья.

– Ты меня убедил, – сказал я, поднимаясь и засовывая в карман паспорт и деньги. – Вы пойдете, парни?

– Что, на улицу? Вы шутите.

– Может, позже. Как-нибудь в другой раз. Но мы будем ждать вашего возвращения и посторожим ваши вещи.

– Хорошо. Как хотите. Я вернусь через пару часов.

Прабакер из вежливости вышел первым, кланяясь и виляя хвостом. Я направился за ним, но прежде, чем я успел закрыть дверь, высокий канадец бросил мне:

– Послушайте... вы поосторожнее там, на улице. Вы ведь здесь ничего не знаете. Никому нельзя доверять. Это не деревня. Индийцы в городе – это... ну, в общем, поберегитесь, ладно?

Ананд спрятал мой паспорт, дорожные чеки и основную часть денег в сейф, выдав мне за все расписку, и я вышел на улицу. Предупреждения канадцев звучали у меня в ушах, как крики чаек над косяками рыбы, мечущими икру на мелководье.

Прабакер привел нас в гостиницу по широкому и довольно пустынному проспекту, который начинался у высокой каменной арки, носившей название Ворота в Индию, и описывал дугу по берегу залива. Однако улица с другой стороны здания была запружена транспортом и народом. Людской гомон, сливаясь с автомобильными гудками, дождем обрушивался на деревянные и металлические крыши окружающих домов.

Сотни людей бродили взад-вперед или стояли группами. По всей длине улицы вплотную друг к другу теснились магазины, рестораны и гостиницы. На тротуаре перед магазинами и ресторанами были устроены небольшие прилавки, за которыми хозяйничали два или три продавца, сидевшие на складных стульях. Среди них были африканцы, арабы, европейцы, индийцы. Идя по тротуару, вы все время слышали новый язык и новую музыку, каждый ресторан подмешивал в кипящую воздушную смесь свои запахи.

В сплошном потоке машин виднелись повозки, запряженные буйволами, а также ручные тележки, развозившие арбузы и мешки с рисом, прохладительные напитки и вешалки с одеждой, сигареты и глыбы льда. В руках людей мелькали деньги – это был черный рынок валюты, объяснил мне Прабакер. Толстые пачки банкнот передавались и пересчитывались совершенно открыто. На каждом шагу попадались нищие, фокусники и акробаты, заклинатели змей, музыканты и астрологи, хироманты, сутенеры и торговцы наркотиками. Улица была захламлена до предела. Из верхних окон домов то и дело без предупреждения выбрасывали всякую дрянь, на тротуарах и даже на мостовой громоздились кучи отбросов, в которых пировали жирные бесстрашные крысы.

Но что в первую очередь бросалось в глаза, так это невероятное количество покалеченных и больных нищих, демонстрировавших всевозможные болезни, увечья и прочие напасти. Они встречали вас в дверях ресторанов и магазинов, вылавливали на улице, донимая профессионально отработанными жалобными причитаниями. Как и трущобы, впервые увиденные из окна автобуса, это неприкрытое страдание вызывало на моем здоровом, ничем не обезображенном лице краску стыда. Но, пробираясь вслед за Прабакером сквозь толпу, я обратил внимание на другую, не столь уродливую сторону их жизни. В дверях одного из домов группа нищих играла в карты; какой-то слепой уплетал в компании друзей рыбу с рисом; детишки, громко смеясь, по очереди катались вместе с безногим бедняком на его тележке.

По дороге Прабакер искоса бросал на меня взгляды.

– Как тебе нравится наш Бомбей?

– Ужасно нравится, – ответил я, несколько не покривив душой.

На мой взгляд, город был прекрасен. Он был дик и будоражил воображение. Романтические постройки эпохи британского владычества чередовались с зеркальными башнями современных бизнес-центров. Среди беспорядочного нагромождения убогих жилищ расстился многокрасочный ковер свежих овощей и шелков. Из каждого магазина и из каждого проезжавшего такси доносилась музыка. Краски слепили глаза, восхитительные ароматы кружили голову. А в глазах людей на этих переполненных улицах улыбки мелькали чаще, чем в каком бы то ни было другом месте, где мне доводилось бывать.

Но главное – Бомбей был свободным городом, пьяняще свободным. Куда ни взгляни, во всем чувствовался непринужденный, ничем не скованный дух, и я невольно откликался на него всем сердцем. Сознавая, что эти мужчины и женщины свободны, я уже не так мучился от неловкости и стыда, которые испытывал при виде трущоб и нищих. Никто не прогонял попрошайек с улицы, никто не выдворял жителей трущоб из их хижин. Какой бы тяжелой ни была их жизнь, они проводили время на тех же проспектах и в тех же садах, что и сильные мира сего. Все они были свободны. Это был свободный город. Я влюбился в него.

Конечно, я чувствовал себя несколько растерян среди этого переплетения разнонаправленных интересов, на карнавале нуждающихся и алчущих; бесцеремонное попрошайничество и плутовство приводили меня в замешательство. Я не понимал языков, которые слышал. Мне были незнакомы культуры, представленные разнообразными одеяниями, сари, тюрбанами. Я будто смотрел экстравагантную постановку какой-то замысловатой пьесы, не имея понятия о ее содержании. Но хотя все окружающее было непривычным и смущало, оно вместе с тем вызывало у меня непроизвольную радостную улыбку. За мою голову было назначено вознаграждение, за мной гнались, но я испытывал ощущение, что я оторвался от погони, что в данный момент я свободен. Когда ты спасаешься от преследования, каждый день для тебя – целая жизнь. Каждая минута свободы – это отдельная история со счастливым концом.

И я был рад, что со мной Прабакер. Его хорошо знали на улице, самые разные люди сердечно приветствовали его.

– Ты, должно быть, голоден, мистер Линдсей, – заметил Прабакер. – Ты счастливый человек, прошу прощения за такие слова, а счастливый человек всегда имеет хороший аппетит.

– Хм... Насчет аппетита ты прав. Но где же тот ресторан, куда мы направляемся? Если бы я знал, что он так далеко, то захватил бы с собой готовый завтрак, чтобы съесть по дороге.

– Чуть-чуть еще немножко, не очень далеко, – с живостью отозвался он.

– Ну-ну...

– О да! Я отведу тебя в лучший ресторан, с прекраснейшими блюдами Махараштры!⁸ Ты будешь удовлетворяться без проблем. Все бомбейские гиды вроде меня едят там свою пищу. Это такой хороший ресторан, что он должен платить полиции бакшиш вдвое меньше, чем обычно. Вот какой он хороший!

– Неужели?

– О да! Но сначала позволь мне добыть для тебя индийскую сигарету. И для меня тоже. Сейчас мы должны остановиться.

Он подвел меня к уличному лотку величиной не больше складного карточного столика. На нем были разложены картонные пачки сигарет примерно дюжины сортов. Тут же на большом медном подносе теснились серебряные тарелочки с дроблеными кокосовыми орехами, пряностями и разнообразными пастами неизвестного происхождения. Рядом со столиком стояло ведро с водой, в которой плавали узкие остроконечные листья. Продавец высушивал листья, смазывал их пастой, добавлял смесь измельченных фиников, кокосовых орехов, пло-

⁸ *Махараштра* – индийский штат, административным центром которого является Бомбей.

дов бетельной пальмы и пряностей и сворачивал это все в маленькие трубочки. Покупатели, толпившиеся возле лотка, расхватывали трубочки по мере их изготовления.

Прабакер протиснулся вплотную к торговцу, выжидая момент, чтобы сделать заказ. Я вытянул шею, наблюдая за ним поверх покупательских голов, передвинулся к краю тротуара и сделал шаг на мостовую. Тут же раздался крик:

– Берегись!

Чьи-то руки схватили меня за локоть и втащили обратно на тротуар, и в этот момент мимо меня со свистом пролетел огромный двухэтажный автобус. Я был бы уже трупом, если бы не эти руки. Я обернулся, чтобы посмотреть на моего спасителя. Это была самая прекрасная из всех женщин, каких я когда-либо видел. Стройная, с черными волосами до плеч и бледной кожей. Она не была высокой, но ее развернутые плечи, прямая спина и вся поза вызывали ощущение уверенной в себе жизненной силы. На ней были шелковые панталоны, завязанные у щиколоток, черные туфли на низком каблуке, свободная хлопчатобумажная блуза и большая шелковая шаль. Концы шали, переброшенные за спину, напоминали раздвоенную ниспадающую волну гривы. Вся ее одежда переливалась разными оттенками зеленого.

Ироническая улыбка, игравшая в изгибе ее полных губ, выражала все, ради чего мужчина должен любить ее и чего он должен в ней бояться. В этой улыбке была гордость, а в очертаниях ее тонкого носа – спокойная уверенность. Сам не знаю почему, но я сразу почувствовал, что многие принимают ее гордость за высокомерие и путают уверенность с равнодушием. Я этой ошибки не сделал. Мои глаза отправились в свободное плавание без руля и без ветрил по океану, мерцавшему в ее невозмутимом твердом взгляде. Ее большие глаза поражали своей интенсивной зеленью. Такими зелеными бывают деревья в ярких живописных снах. Таким зеленым было бы море, если бы оно могло достичь совершенства.

Она все еще держала меня за локоть. Ее прикосновение было точно таким, каким должно быть прикосновение возлюбленной: знакомым и вместе с тем возбуждающим, как произнесенное шепотом обещание. Мной овладело почти непреодолимое желание прижать ее руку к своему сердцу. Возможно, мне и следовало так сделать. Теперь-то я знаю, что она не стала бы смеяться надо мной, ей это понравилось бы. И хотя мы были совершенно незнакомы, долгих пять секунд мы стояли, глядя друг на друга, а все параллельные миры, все параллельные жизни, которые могли бы существовать, но никогда существовать не будут, крутились вокруг нас. Наконец она произнесла:

– Вам повезло. Еще бы чуть-чуть...

– Да, – улыбнулся я.

Она медленно убрала свою руку. Это был мягкий, естественный жест, но я ощутил разрыв контакта между нами так остро, как будто меня грубо выдернули из глубокого счастливого сна. Я наклонился и посмотрел слева и справа за ее спиной.

– Что там такое?

– Я ищу крылья. Ведь вы мой ангел-спаситель.

– Боюсь, что нет, – ответила она с насмешливой улыбкой, от которой на ее щеках образовались ямочки. – Во мне слишком много от дьявола.

– Неужели так уж много? – усмехнулся я. – Интересно, сколько именно?

Возле лотка стояла группа людей. Один из них – красивый, атлетически сложенный мужчина лет двадцати пяти – окликнул ее:

– Карла, пошли, йаар!⁹

Обернувшись, она помахала ему, затем протянула мне руку. Ее рукопожатие было крепким, но трудно было сказать, какие чувства оно выражает. Улыбка ее была столь же двусмыс-

⁹ *Йаар* (йяр) – дружище, браток (*хинди*); часто утрачивает это значение и употребляется в конце предложения в качестве междометия («вот», «да-а», «ну» и т. п.).

ленной. Возможно, я понравился ей, но не исключено, что она просто хотела поскорее закончить разговор.

– Вы не ответили на мой вопрос, – сказал я, выпуская ее руку из своей.

– Сколько во мне от дьявола? – спросила она с дразнящей полуулыбкой на губах. – Это очень интимный вопрос. Пожалуй, даже самый интимный из всех, какие мне когда-либо задавали. Но знаете, если вы заглянете как-нибудь в «Леопольд», то, возможно, выясните это.

Подшли ее друзья, и она оставила меня, присоединившись к ним. Это были молодые индийцы, хорошо одетые в соответствии с европейской модой, распространенной у представителей среднего класса. Они то и дело смеялись и дружески тискали друг друга, но ни один из них не прикоснулся к Карле. Казалось, ее окружает аура, одновременно притягательная и недоступная. Я подошел чуть ближе, притворившись, что меня интересует, как продавец скручивает листья. Она что-то говорила друзьям, но языка я не понимал. Голос ее на этом языке приобрел какую-то необыкновенную глубину и звучность, от которой волоски у меня на руке затрепетали. Очевидно, это тоже должно было послужить мне предупреждением. Как говорят афганские свахи, «голос – это больше половины любви». Но тогда я не знал этого, и мое сердце кинулось без оглядки в такие дебри, куда даже свахи боятся заглядывать.

– Вот, мистер Линдсей, я взял две сигареты для нас, – сказал Прабакер, подходя ко мне и торжественно вручая одну из них. – Это Индия, страна бедняков. Здесь не надо покупать целую пачку сигарет. Одну сигарету купить достаточно. И спички не надо.

Прабакер потянулся к телеграфному столбу рядом с лотком и снял висевший на крюке дымящийся кусок пенькового жгута. Сдув с конца веревки пепел, он обнажил красную тлеющую сердцевину и прикурил от нее.

– А что это такое он заворачивает в листья, которые все жуют?

– Это называется *пан*¹⁰. Самый наиболее отличный вкус, и жевание тоже. Все в Бомбее жуют его и плюют, жуют и опять плюют без проблем, днем и ночью. Это для здоровья очень хорошо, много жевать и обильно плевать. Хочешь попробовать? Я достану для тебя.

Я кивнул – не столько потому, что мне так уж хотелось вкусить прелести этого пана, сколько для того, чтобы побыть еще какое-то время возле Карлы. Она держалась очень естественно и явно чувствовала себя как дома на этой улице с ее непостижимыми порядками. То, что приводило меня в недоумение, для нее было, по-видимому, обычным делом. Она заставила меня вспомнить мужчину-иностранца в трущобах, которого я видел из окна автобуса. Казалось, она, как и он, пребывает в полном согласии с этим миром, принадлежит ему. Я позавидовал тому, с какой теплотой относятся к ней окружающие, приняв в свой круг.

Но это было не главное. Я не мог оторвать глаз от ее совершенной красоты. Я глядел на нее, и каждый вздох с трудом вырывался у меня из груди. Сердце словно тисками сдавило. Голос крови подсказывал: «Да, да, да...» В древних санскритских легендах говорится о любви, предопределенной кармой, о существовании связи между душами, которым суждено встретиться, соприкоснуться и найти упоение друг в друге. Согласно легендам, суженую узнаешь мгновенно, потому что твоя любовь к ней сквозит в каждом ее жесте, каждой мысли, каждом движении, каждом звуке и каждом чувстве, светящемся в ее глазах. Ты узнаешь ее по крыльям, невидимым для других, а еще потому, что страсть к ней убивает все другие любовные желания.

Те же легенды предупреждают, что такая предопределенная любовь может овладеть только одной из двух душ, соединенных судьбой. Но мудрость судьбы в данном случае противоположна любви. Любовь не умирает в нас именно потому, что она не мудра.

¹⁰ *Пан*, или бетель, – смесь пряностей, измельченных фруктов, орехов и прочих наполнителей, завернутая в лист перечногo кустарника и традиционно употребляющаяся в Индии для жевания. Очищает полость рта, освежает дыхание. Пан принято подавать гостям в знак гостеприимства.

– А, ты смотришь на эту девушку! – воскликнул вернувшийся с паном Прабакер, проследив за моим взглядом. – Ты думаешь, что она красива, на? Ее зовут Карла.

– Ты знаешь ее?!

– О да! Карла – ее все знают, – ответил он таким громким театральным шепотом, что я испугался, как бы она его не услышала. – Ты хочешь познакомиться с ней?

– Познакомиться?

– Я могу поговорить с ней. Ты хочешь, чтобы она была твоим другом?

– Что?!

– О да! Карла мой друг и будет твоим другом тоже, мне кажется. Может быть, ты даже добудешь много денег для своей благородной личности в бизнесе с Карлой. Может быть, вы будете такими хорошими и тесными друзьями, что будете делать вместе много секса и создадите полное удовольствие своим телам. Я уверен, что у вас будет дружеское удовольствие.

Он уже потирал руки в предвкушении этой перспективы. Бетель окрасил его широкую улыбку в красный цвет. Мне пришлось схватить его за руку, чтобы помешать ему обратиться к ней с этими предложениями прямо на улице.

– Нет! Не надо! Ради всего святого, говори тише, Прабакер. Если я захочу поговорить с ней, то подойду к ней сам.

– О, я понял, – произнес Прабакер со смущенным видом. – Вы, иностранцы, называете это эротическим стимулированием, да?

– Нет. Эротическое стимулирование – это другое. Это... но не важно, забудь об этом.

– О, хорошо! Я всегда забываю об эротическом стимулировании. Я индийский парень, а мы, индийские парни, никогда не беспокоимся об эротическом стимулировании. Мы приступаем прямо к прыжкам и пиханиям, да-да!

Он схватил воображаемую женщину и стал пихать ее своими узкими бедрами, обнажив зубы в кроваво-красной улыбке.

– Пожалуйста, прекрати! – бросил я, испуганно оглянувшись на Карлу и ее друзей.

– Как скажете, мистер Линдсей, – вздохнул он, загасив ритмичные колебания бедер. – Но я все же могу сделать мисс Карле хорошее предложение твоей дружбы, если ты хочешь.

– Нет! Спасибо, конечно, но не надо никаких предложений. Я... О господи, давай оставим это. Скажи мне лучше, на каком языке говорит сейчас вон тот человек?

– Он говорит на хинди, мистер Линдсей. Подожди минуту, я скажу тебе, что он говорит.

Он без всякого смущения подошел к группе мужчин, окружавших Карлу, и затесался в их компанию, прислушиваясь к разговору. Никто не обратил на него никакого внимания. Прабакер кивал, смеялся вместе со всеми и спустя несколько минут вернулся ко мне:

– Он рассказывает одну очень смешную историю об инспекторе бомбейской полиции, очень большой и сильной особе в своем районе. Этот инспектор запер у себя в тюрьме одного очень хитрого парня, но этот хитрый парень уговорил этого инспектора отпустить его, потому что он сказал этому инспектору, что у него есть золото и драгоценные камни. А когда этот инспектор отпустил этого хитрого парня, он продал ему немного золота и драгоценных камней. Но это было ненастоящее золото и ненастоящие драгоценные камни. Это были подделки, очень дешевые ненастоящие вещи. И самое большое жульничество, что этот хитрый парень прожил в доме этого инспектора целую неделю до того, как продал ему ненастоящие драгоценности. И ходят большие слухи, что у этого хитрого парня были сексуальные дела с женой инспектора. И теперь этот инспектор такой безумный и такой сердитый, что все убегают, когда видят его.

– Слушай, откуда ты ее знаешь? Она живет здесь?

– Жена инспектора?

– Да нет же! Я говорю об этой девушке, о Карле.

– Знаешь... – протянул он, впервые нахмурившись, – у нас в Бомбее очень много девушек. Мы только пять минут идем от твоей гостиницы и уже видели сотни разных девушек.

А еще через пять минут увидим еще несколько сотен. Каждые пять минут новые сотни девушек. А когда пойдем гулять дальше, будут еще сотни, сотни и сотни...

– Сотни девушек, великолепно! – саркастически прервал я его, выкрикнув это чуть громче, чем намеревался. Несколько прохожих оглянулись на меня с открытым возмущением. Я сбавил тон. – Меня не интересуют сотни девушек, Прабакер. Меня интересует... *эта* девушка, понимаешь?

– Хорошо, мистер Линдсей. Я расскажу тебе о ней все. Карла – очень известная бизнесменка в Бомбее. Она здесь очень давно. Пять лет, может быть. У нее есть небольшой дом недалеко. Все знают Карлу.

– А откуда она приехала?

– Наверное, из Германии или откуда-то рядом.

– Но, судя по произношению, она должна быть американкой.

– Да, должна быть, но вместо этого она германка или кто-то вроде германки. А теперь уже скорее даже очень почти индийка. Ты хочешь есть свой обед?

– Да, только подожди еще минуту.

Группа молодых людей распрощалась со знакомыми, стоявшими у лотка, и смешалась с толпой. Карла пошла вместе с ними, выпрямив спину и высоко, чуть ли не вызываясь, подняв голову. Я смотрел ей вслед, пока ее не поглотил людской водоворот, она же ни разу не оглянулась.

– Ты знаешь, где находится «Леопольд»? – спросил я Прабакера, когда мы продолжили свой путь.

– О да! Это замечательное, прекрасное место, бар «Леопольд»! Полный замечательных, прекрасных людей, очень, очень прекрасных. Все виды иностранцев там можно найти, все они делают там хороший бизнес. Сексуальный бизнес, наркотический, валютный, чернорыночный, и с озорными картинками, и контрабандный, и паспортный, и...

– Хорошо, Прабакер, я понял.

– Ты хочешь туда пойти?

– Нет, не сейчас. Может быть, позже. – Я остановился, Прабакер остановился тоже. – Послушай, а как тебя зовут твои друзья? Какое у тебя уменьшительное имя?

– О да, уменьшительное имя у меня тоже есть. Оно называется Прабу.

– Прабу... Мне нравится.

– Оно означает «Сын света» или что-то вроде. Хорошее имя, правда?

– Да, это хорошее имя.

– А твое хорошее имя, мистер Линдсей, не такое хорошее на самом деле, если ты не возражаешь, что я говорю это прямо твоему лицу. Мне не нравится, что оно такое длинное и такое скрипучее для человека с индийской речью.

– Вот как?

– Да, вот так, прости, что говорю. Мне оно не нравится. Нет, совсем нет. Даже если бы оно было Блиндсей, или Миндсей, или Ниндсей...

– Ну что поделаешь, – улыбнулся я. – Какое есть.

– Я думаю, что намного лучше уменьшительное имя – Лин, – предложил он. – Если у тебя нет протестов, я буду называть тебя Лин.

Имя было ничуть не хуже любого другого, под которыми я скрывался после побега, и точно такое же фальшивое. В последние месяцы я уже стал относиться с юмором, как к чему-то неизбежному, к тем новым именам, что мне приходилось принимать в разных местах, и к тем, что мне давали другие. Лин. Сам я никогда не додумался бы до такого сокращения. Но оно звучало правильно – я хочу сказать, что в нем слышалось что-то магическое, некий глас судьбы; я чувствовал, что оно подходит мне так же хорошо, как и скрываемое мной и

оставленное в прошлом имя, которое мне дали при рождении и под которым меня упекли на двадцать лет в тюрьму.

Поглядев в большие темные глаза Прабакера, проказливо сверкавшие на его круглом лице, я улыбнулся и кивнул, соглашаясь. Тогда я еще не мог знать, что именно под этим именем, полученным от маленького бомбейского гида, я буду известен тысячам людей от Колабы до Кандагара и от Киншасы до Берлина. Судьба нуждается в посредниках и возводит свои крепости из камней, скрепляя их с помощью подобных случайных соглашений, которым вначале не придают особого значения. Сейчас, оглядываясь назад, я сознаю, что этот момент – казалось бы, несущественный и требовавший, лишь чтобы я ткнул наобум пальцем в «да» или «нет», – на самом деле был поворотным пунктом в моей жизни. Роль, которую я играл под этим именем, Линбаба, и личность, которой я стал, оказались более истинными и соответствующими моей природе, нежели все, чем или кем я был до этого.

– Ладно, пусть будет Лин.

– Очень хорошо! Я такой счастливый, что тебе нравится это имя! И как мое имя означает на хинди «сын света», так и твое тоже имеет очень замечательное и счастливое значение.

– Да? И что же оно означает?

– Оно означает «пенис»! – Прабакер был в восторге, чего, по-видимому, ожидал и от меня.

– Ни хрена себе!.. Да уж, просто потрясающе.

– Оно очень потрясающее и очень осчастливливающее. На самом деле оно не совсем означает это, но звучит похоже на «линг» или «лингам», а это уже и будет «пенис» на хинди.

– Знаешь, давай оставим эту затею, – бросил я, трогаясь с места. – Ты что, смеешься надо мной? Не могу же я ходить повсюду, представляясь так людям! «Здравствуйте, рад с вами познакомиться, я Пенис». Нет уж. Забудь об этом. Придется тебе смириться с Линдсеем.

– Нет-нет! Лин, я правду говорю тебе, это прекрасное имя, очень достойное, очень счастливое – необыкновенно счастливое имя! Люди будут восхищаться, когда услышат его. Пойдем, я покажу тебе. Я хочу отдать эту бутылку виски, которую ты подарил мне, своему другу мистеру Санджайю. Вот, как раз в этой мастерской. Ты только увидь, как ему понравится твое имя.

Сделав еще несколько шагов, мы оказались возле маленькой мастерской. Над открытой дверью была прикреплена написанная от руки вывеска:

РАДИОПОМОЩЬ

Предприятие по электрическому ремонту.

Ремонт и торговля. Владелец Санджай Дешпанде.

Санджай Дешпанде был плотно сбитым человеком пятидесяти с чем-то лет, с шапкой поседевших до белизны волос и белыми кустистыми бровями. Он сидел за массивным деревянным прилавком в окружении поврежденных – не иначе как взрывом – радиоприемников, выпотрошенных плееров и коробок с запасными частями. Прабакер приветствовал его, очень быстро зашебетал что-то на хинди и выложил бутылку виски на прилавок. Мистер Дешпанде не глядя прилепнул бутылку своей мощной пятерней, и та исчезла за прилавком. Из нагрудного кармана рубашки он вытащил пачку индийских банкнот, отсчитал несколько штук и протянул Прабакеру, держа руку ладонью вниз. Прабакер схватил деньги быстрым и плавным движением, как кальмар щупальцами, и сунул в карман. При этом он наконец прекратил щебетать и поманил меня.

– Это мой хороший друг, – объяснил он мистеру Дешпанде, похлопав меня по плечу. – Он из Новой Зеландии.

Мистер Дешпанде что-то буркнул.

– Он как раз сегодня приехал в Бомбей, остановился в «Индийской гостинице».

Мистер Дешпанде буркнул еще раз, изучая меня со слегка враждебным любопытством.

– Его зовут Лин, мистер Линбаба, – сказал Прабакер.

– Как его зовут?

– Лин, – ухмыльнулся Прабакер. – Его имя Линбаба.

Мистер Дешпанде с удивленной улыбкой приподнял свои живописные брови:

– Линбаба?

– Да-да! – ликовал Прабакер. – Лин. И также он очень прекрасный человек.

Мистер Дешпанде протянул мне руку, я пожал ее. Прабакер потащил меня за рукав к выходу.

– Линбаба! – окликнул меня мистер Дешпанде, когда мы были уже в дверях. – Добро пожаловать в Бомбей. Если у вас есть кассетник, или камера, или какая-нибудь дребезжалка, которые вы хотите продать, приходите ко мне, Санджаю Дешпанде, в «Радиопомощь». Я даю лучшие цены.

Я кивнул, и мы вышли на улицу. Оттащив меня от мастерской на некоторое расстояние, Прабакер остановился:

– Видишь, мистер Лин? Видишь, как ему нравится твое имя?

– Да, вроде бы, – пробормотал я, несколько озадаченный приемом, который оказал мне мистер Дешпанде, а также энтузиазмом Прабакера.

Когда я ближе познакомился с ним и стал ценить его дружбу, я догадался: Прабакер всем сердцем верит, что его улыбка воздействует как на людские сердца, так и на окружающий мир. И он был прав, конечно, но мне потребовалось много времени, чтобы понять это.

– А что значит это «баба» в конце имени? Лин – это понятно. Но почему Линбаба?

– «Баба» – это такое уважительное имя, – усмехнулся Прабакер. – Если поставить «баба» в конце твоего имени или в конце имени какой-нибудь особенной персоны, то это значит, что мы выражаем уважение – как к учителю, или священнику, или очень, очень старому человеку.

– Хм, понятно, – протянул я. – Но знаешь, Прабу, это, в общем-то, дела не меняет. Пенис есть пенис, так что не знаю...

– Но ты же видел, как твое имя понравилось мистеру Санджаю Дешпанде! Смотри, как оно понравится другим людям. Я скажу его им всем прямо сейчас, смотри! Линбаба! Линбаба! Линбаба!

Он вопил во весь голос, адресуясь ко всем встречным.

– Хорошо, Прабу, хорошо. Я верю тебе. Успокойся. – Теперь наступила моя очередь тянуть его вперед за рукав. – И мне казалось, ты хотел выпить виски, что я тебе дал, а не продать.

– Ох да, – вздохнул он. – Я хотел выпить его и уже пил его в уме. Но теперь, Линбаба, на деньги, которые я получил за продажу твоего прекрасного подарка мистеру Санджаю, я могу купить две бутылки очень плохого и замечательно дешевого виски, и еще останется очень много денег, чтобы купить новую красивую красную рубашку, одну толу хорошего чараса, билеты на прекрасный индийский кинофильм с кондиционированным воздухом и еду на два дня. Но подожди, Линбаба, ты не кушаешь свой пан. Ты должен положить его в уголок рта и жевать, а то он станет черствым и плохим для вкуса.

– Хорошо. И как же это сделать? Вот так?

Я сунул за щеку свернутый в трубочку листик, как это делали другие. Через несколько секунд мой рот наполнился сочной ароматной сладостью. Вкус напоминал медовый, но был в то же время острым и пряным. Лиственная обертка начала растворяться, и твердые кусочки измельченного кокосового ореха, фиников и семян смешались со сладким соком.

– Теперь ты должен выплюнуть немного пана, – наставлял меня Прабакер, сосредоточенно следя за тем, как работают мои челюсти. – Это надо сделать вот так, смотри.

Он выпустил изо рта струю красного сока, которая приземлилась в метре от нас, образовав кляксу величиной с ладонь. Это была филигранная работа мастера. Ни капли сока не осталось у него на губах. При напористом поощрении Прабакера я попытался повторить его достижение, но у меня изо рта пошли пузыри, а красная жидкость, проделав слюнявую дорожку на подбородке и на рубашке, смачно шлепнулась на мой правый ботинок.

– Рубашка без проблем, – заявил Прабакер и, нахмурившись, вытащил из кармана носовой платок и стал усердно втирать сок в мою рубашку, отчего пятно отнюдь не стало незаметнее. – Ботинки тоже не проблема. Я их тоже вытру. Но сейчас я должен задать тебе вопрос: ты любишь плавать?

– Плавать? – переспросил я, невольно проглотив пан, остававшийся во рту.

– Да, плавать. Я отведу тебя на пляж Чаупатти, очень замечательный пляж, и там ты можешь жевать и плевать и еще жевать, а потом плевать без костюма и не будешь тратить деньги на стирку.

– Послушай, я хотел спросить насчет экскурсий по городу. Ты ведь работаешь гидом?

– О да, я самый лучший гид в Бомбее и во всей Индии тоже.

– Сколько ты берешь за день?

Он проказливо взглянул на меня, надув щеки, что выражало, как я стал понимать, хитроумие, служившее подкладкой его широкой приветливой улыбки.

– Я беру сто рупий за день.

– О'кей.

– И туристы платят за мой обед.

– Это понятно.

– И за такси тоже туристы платят.

– Да, конечно.

– И за билеты на автобус.

– Разумеется.

– И за чай, если мы пьем его в жаркий день, чтобы освежить свои персоны.

– Да-да.

– И за сексуальных девушек, если мы идем к ним в прохладную ночь, когда мы чувствуем, что у нас набухла большая необходимость в наших...

– Ладно-ладно. Послушай, я заплачу тебе за целую неделю. Я хочу, чтобы ты показал мне Бомбей, объяснил, что тут к чему. Если все пройдет хорошо, в конце недели я заплачу тебе дополнительную премию. Как тебе эта идея?

В его глазах сверкнула улыбка, хотя голос почему-то был угрюмым.

– Это твое хорошее решение, Линбаба. Твое очень хорошее решение.

– Ну, это мы увидим, – рассмеялся я. – И еще я хочу, чтобы ты научил меня кое-каким словам на хинди.

– О да! Я могу научить тебя всему, что захочешь! *Ха* означает «да», *нэхи* – «нет», *пани* – «вода», *кханна* – «еда»...

– Хорошо-хорошо, не все сразу. Ну что, это ресторан? Слава богу, а то я уже умираю от голода.

Я хотел зайти в темный невзрачный ресторанчик, но тут Прабакер остановил меня. Лицо его по какой-то причине вдруг приняло серьезное выражение. Он нахмурился и проглотил комок в горле, как будто не знал, как приступить к делу.

– Прежде, чем мы будем есть эту прекрасную пищу, – произнес он наконец, – и прежде, чем мы... будем заниматься вообще каким-нибудь бизнесом, я должен... мне надо тебе что-то сказать.

– Ну давай...

Вид у него был настолько удрученный, что меня охватили дурные предчувствия.

– Так вот, знаешь... эта тола чараса, которую я продал тебе в гостинице...

– Да?

– Ну, понимаешь... это была цена для бизнеса. Настоящая цена, дружеская, – всего пятьдесят рупий за одну толу афганского чараса. – Он воздел руки кверху, затем уронил их, хлопнув себя по ляжкам. – Я попросил у тебя на пятьдесят рупий больше, чем надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.